

ни был страшен последний, он все-таки не что иное, как трагический фарс). В подготовительных материалах к «Бесам» читаем: «Князь — мрачный, страстный, демонический и беспорядочный характер, безо всякой меры, с высшим вопросом дошедшим до быть или не быть? Прожить или истребить себя? Остаться на прежнем по совести и суду его невозможно, но он делает все прежнее и насильничает»⁴.

Вызывает возражение и еще один тезис в концепции Антонова. Почему он считает, что хроникер — единственная стилевая возможность, единственная стилевая плоскость изображения событий и персонажей? Ведь кроме хроникера в романе еще несколько десятков действующих лиц, которые так или иначе выполняют по отношению к Ставрогину ту же обязанность, которую хроникер выполняет по отношению к ним. И, на мой взгляд, отсутствие хроникера в плане Ставрогина есть как раз наиболее оптимальный художественный вариант видения главного героя. Поле зрения хроникера (как и в других романах Достоевского) ограничено, он бессилён рассказать о Ставрогине, показать его «целиком», задача эта явно ему не по плечу — ее могут выполнить только все вместе персонажи романа, все они в какой-то степени (каждый согласно своему характеру) историки и хроникеры Ставрогина, все они предлагают свою концепцию его личности, и каждый из них в отдельности неправ, и правы они только все вместе, в художественном целом романа, не подозревая, впрочем, о существовании этого целого. Ставрогин как бы разобран ими по частям, каждый «тепится» своей частью, быть может, только смутно догадываясь о том, что разложенный по их полочкам, Ставрогин уже лишен жизни, что он вновь и вновь маска, личина, оборотень, неуловимый фантом.

Притом следует вообще заметить, что связь действующих лиц «Бесов» с хроникером далеко не равнозначна. Располагая их по степени удаленности, можно предложить такую схему: Степан Трофимович, Варвара Петровна, «бесы», Петр Верховенский, Лида, Лебядкина, Шатов, Кириллов, Даша и, наконец, Ставрогин. Видимо, такая композиционная структура также имеет свое значение и связана она с мерой сложности персонажа и приближения его к постижению именно героя. В. А. Туниманов пишет: «В „Бесах“ три основных формы повествования: а) рассказ „от хроникера“, где голос повествователя доминирует; б) сцены с участием хроникера, причем, его роль может быть самой различной; в) сцены без хроникера — интимные, камерные, с полным или почти полным исчезновением Г-ва. Кроме того, комбинированная форма повествования — массовые сцены»⁵. Разграничивая различные повествовательные формы, Туниманов делает совершенно правильный вывод: «Итак, образ Степана Трофимовича раскрывается посредством рассказа „от хроникера“, образы князя и Петра Верховенского — в диалогах и в действии...»⁶. Но следует добавить, что образ «князя» — и в скрещении различных точек зрения всех других персонажей.

Статья Туниманова, представляющая определенный итог в изучении «Бесов» на данном этапе, не может не вызвать глубокого уважения своей основной направленностью, стремлением объективно и непредвзято отнестись к роману как одному из самых совершенных и самых трагичных созданий Достоевского. И все-таки, пытаясь выработать новую систему оценки романа, Туниманов остается в плену традиции, утверждающей памфлетно-трагедийно-лирическое⁷ единство произведения. На мой взгляд, «Бесы» — памфлет не более чем любой другой роман писателя. Признавая источником единства структуры романа образ рассказчика,

⁴ Записные тетради..., с. 58.

⁵ Туниманов В. А. Рассказчик в «Бесах» Достоевского. — Исследования по поэтике и стилистике. Л., «Наука», 1972, с. 136.

⁶ Там же, с. 140.

⁷ Там же, с. 94.